

Камилла Тильман
Социопаты

Камилла Тильман

Социопаты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448293

ISBN 9785005062956

Аннотация

Наши дни. Представьте себе непохожих друг на друга людей. Никаких общих ценностей, ни единой общей мысли, но что-то схожее у них есть – каждый из семи героев наделен одним из семи смертных грехов. И каждый из семи героев в этом ни за что не признается. Основная идея книги – популярное нынче психическое отклонение – социопатия. Молодые люди все чаще уклоняются от общепринятых норм и восхваляют истинную свободу. Но мало кто может справиться с вседозволенностью, а некоторым это и вовсе не под силу.

Содержание

I	5
II. СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ	22
III	26
IV	30
УНЫНИЕ	31
V	34
V. ПОХОТЬ	41
VI	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Социопаты

Камилла Тильман

© Камила Тильман, 2019

ISBN 978-5-0050-6295-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

На Садовой-Каретной, недалеко от сада Эрмитаж, на скамейке у своего дома сидел молодой человек. Он читал книгу, на обложке значилось: Джордж Байрон, «Дон Жуан».

На вид юноше сложно было бы дать больше тридцати. Среднего роста, спортивного телосложения, он обладал удивительной способностью притягивать взгляд. Широкие плечи придавали мужественности его виду, а кудрявые тёмные волосы, непослушно спадавшие на лоб, говорили о некоторой беспечности. При ближайшем рассмотрении можно было заметить длинные пальцы, какие чаще всего встречаются у людей, посвятивших всю свою жизнь игре на фортепиано. Лицо – правильные пропорции, яркие скулы, резко очерченный подбородок, слегка сжатые губы – не уступало прочим чертам. Лёгкая щетина придавала серьезности его виду, а большие глаза чайного с прозеленью цвета искрились хитростью и умом, притом, что смотрел он благожелательно. Юноша был одет в синий шерстяной костюм, а на его ногах, великолепно начищенные, сияли кожаные ботинки редкого бордового цвета.

Молодой человек перелистнул страницу, задумчиво поднял взгляд. Именно в этот момент мимо него торопливо прошла миловидная молодая особа.

– Девушка! – юноша поспешно отложил книгу, стараясь

придать своему голосу необходимое выражение, – Девушка, здравствуйте! Мне необходима Ваша помощь. Надеюсь, Вы мне не откажете.

– Здравствуйте, – девушка обернулась. Она выглядела немного смущённой, – Чем я могу вам помочь?

– Мне нужно знать Ваше имя.

Девушка чуть улыбнулась. Вопрос прозвучал нагло, но голос молодого человека был совершенно иного толка, и предложенная игра скорее расположила её, чем смогла напугать.

– И только? С какой же целью Вы интересуетесь?

Лёгким взмахом руки девушка заправила темную прядь волос за ухо.

– Вы понравились мне, – молодой человек произнес эти слова спокойно, без тени неловкости, – Было бы преступлением не завязать знакомство с такой очаровательной прохожей! Меня зовут Даниэль.

– Лена. Очень приятно.

Девушка протянула Даниэлю руку. Тот, с присущей ему галантностью, коснулся руки губами.

– Позвольте, я объясню, – начал он, едва заметно наблюдая за реакцией новой знакомой, – Только сегодня я переехал в одну из квартир этого дома. Я многого не знаю о Москве, о москвичах... Возможно, Вы могли бы составить мне компанию за обедом? Подсказать, как стоит вести себя в столице.

Лена внимательно вглядывалась в его лицо. Располагающий, приятный молодой человек. Слегка театральные, но такие галантные жесты!

– С радостью с вами пообедаю, – улыбнулась она наконец, – недалеко есть хорошее кафе. Но не думаю, что смогу Вам помочь. В Москве каждый возводит вокруг себя определенные рамки, за которые, скажем так, нежелательно выходить. Скучно, если честно, – девушка тряхнула волосами, – но это считается нормой.

Даниэль понимающе хмыкнул.

– Скучно? Впрочем, вы мне всё расскажете за обедом. Пойдемте! Я полностью доверяю выбору такой привлекательной девушки.

«Двенадцатая», – подумал Даниэль. И уверенно направился вслед за новой знакомой в сторону Эрмитажа.

– Даниэль, а откуда Вы родом?

Молодой человек чуть замедлил шаг, с явным удовольствием начиная диалог.

– Может быть, – он заглянул девушке в глаза, – перейдем на «ты»? Разумеется, если это позволяют Ваши рамки.

– Вполне. Я и сама хотела предложить.

Даниэль кивнул, позволяя витым кудрям свободно сыпаться на лоб.

– Я из пасмурного Санкт-Петербурга. Знаете, осенью там особенно грустно. Пока в Москве стоит солнечная погода,

на моей родине – беспрерывные дожди. А люди считают должным предаваться меланхолии.

Лена тихонько рассмеялась.

– Правда? Я слышала, что в Питере сейчас вполне приятная погода. Около двадцати градусов, кажется?

Даниэль взмахнул рукой. Воздух вокруг него словно электризовался сам собой, как бывает на хороших спектаклях.

– Синоптики нагло врут! В принципе, неудивительно. Один мой знакомый – ведущий прогноза погоды на телевидении. Постоянно говорит с экрана чушь! А ведь в остальном он совсем не плохой парень... Но не будем о нём. Ты из Москвы?

– Живу тут. Родилась в Екатеринбурге.

Даниэль и Лена продолжали идти вперёд, совершенно не обращая внимания на прохожих и вывески кафе.

– Екатеринбург! Конечно! Я знаю этот город. Там живут прекрасные люди, – голос Даниэля звучал почти восторженно. Лена не успела заметить, когда именно она взяла молодого человека под локоть, – Последний раз я был там три... нет, четыре года назад. Мы с друзьями ездили кататься на лыжах. Отличная лыжная база! Все компании очень понравилось.

Лена кивнула, кажется, в десятый раз. В Даниэле было нечто совершенно гипнотическое. Настолько, что девушке было совершенно не важно, о чём именно пойдёт речь. Такой интересный голос!

– Да, – быстро сказала она, – многие хвалят это место.

Скажи, ты в Москве по какому-то делу?

– Именно так!

Даниэль улыбался открыто, обезоруживающе. С распахнутыми, готовыми удивляться глазами, его лицо казалось почти детским, но стоило подумать об этом, искры в глазах снова придавали ему ироничное выражение.

Даниэль продолжил:

– Я исполнительный директор. Мебельная компания. У нас есть офисы в самых разных городах мира, в Москве тоже, и вот – меня направили сюда, чему я успел обрадоваться.

Лена глянула на юношу удивлённо. Выражение его лица, поза, манера речи не были хвастливыми. Нисколько. Скорее, он казался простодушным и честным, поднимая носками ботинок мелкие пылинки.

– И сколько тебе лет, если не секрет? – Лена прищурилась, – Обрадовался, я так понимаю, из-за погоды?

– Двадцать девять, – Даниэль заправил за ухо непослушные волосы, – А погода совсем не главная причина для радости. Кто бы мог подумать: первый день в Москве – и я уже познакомился с тобой! Нельзя не порадоваться.

Лена чувствовала, что смутилась. Легкий румянец время от времени появлялся на её щеках на протяжении всего знакомства с Даниэлем, но тут он совершенно перестал сходиться с лица. «Какой всё-таки странный», – рассеянно подумала девушка.

Ей было двадцать четыре года. Лена приехала в Москву семь лет назад: в тот момент поступление в университет стало поводом для родителей Лены отпустить единственную дочь в незнакомый город, а для неё самой – предлогом к долгожданной свободе: яркая модельная внешность и способность ладить с людьми могли бы открыть перед ней немало дверей. Отец Лены, Михаил Юрьевич, владел собственным бизнесом, касавшимся производства строительного материала, который используют для постройки заграждений, кровель и прочих необходимых, но скучных вещей. Как бы то ни было, Ленина мать, домохозяйка, ни в чём себе не отказывала.

После отъезда Лены, родители девушки полностью погрузились в заботу друг о друге. Отец ежемесячно высылал в Москву крупные суммы, твёрдо держась принципа «Леночка не должна работать! Пусть поживёт в своё удовольствие». И Лену такое положение вещей совсем, совсем не расстраивало.

Университет, правда, так и остался туманной мечтой: поступить не удалось. Но это никогда и не было главной целью девушки.

Родители сняли для неё небольшую квартирку в спальном районе, и вот – Лена счастлива беззаботной жизнью, а семья искренне радуется улыбчивому лицу дочери на разноцветных фото.

– Лена, а чем ты занимаешься?

Девушка вдруг испугалась, что покажется скучной. Она тщательно подобрала слова и, глядя себе под ноги, быстро пробормотала:

– Это тоскливо звучит, но пока что я в поиске работы. Ничего не могу найти. Постоянно слышу отказы.

– Уверен, что все получится! – Даниэль мягко улыбнулся. Они остановились возле цветочной клумбы, и молодой человек осторожно потрогал носком ботинка надтреснутый камень, – Что ты ищешь?

– Когда только приехала, собиралась поступать в педагогическое. Всегда мечтала быть учителем. Но провалилась. Так что решила бросить эту затею, а сейчас ищу хоть что-то. И, если честно, без особого энтузиазма.

Даниэль удивлённо приподнял бровь. Внезапная прямолинейность девушки показалась ему простоватой. Впрочем, если бы ей захотелось соврать, пришлось бы порядком постараться – Даниэль чувствовал обман за версту. Что неудивительно: сам он был коренным москвичом, хотя и знал Петербург неплохо. Он закончил там свой первый институт. Легенду о туманной родине он придумал играючи, увлечённо – ему хотелось найти занятный повод пригласить девушку на обед.

– В любом случае, всё в твоих руках! Не стоит хоронить мечты, – молодой человек пожал плечами, – Может быть, стоит снова попытаться поступить?

– Возможно, – Лена, казалось, капельку помрачнела, – На сколько ты задержишься в Москве?

Даниэль оставил клумбу в покое. Он придумывал историю, складывал кубики будущего знакомства. Ему нравилось быть архитектором, художником. А традиционные отношения и супружеская верность казались молодому человеку треснутым камнем отжившей городской клумбы.

– Надеюсь, надолго! Мне нравится Москва: небольшие переулки на Смоленской, красивые люди. Ночная жизнь. В Санкт-Петербурге превосходная архитектура, а вот публика мне приелась, хоть я и благодарен малой родине за искусство. Мне нравятся выставки, не важно – современные, классические. А Петербург буквально притягивает художников.

Лена снова улыбалась. Манера Даниэля выстраивать длинные, витиеватые предложения, прогнала из её головы неприятные мысли.

– Вот как? – она легонько коснулась его плеча, – В Москве не запрещены выставки, точно знаю! Можно будет поискать что-нибудь интересное! Ой...

Нужное кафе осталось позади довольно давно. Поняв это, Лена растеряно огляделась по сторонам.

– Потерялась? – Даниэль рассмеялся, – Ничего страшного. Кажется, на той стороне дороги есть симпатичное место. Заглянем?

Сидя в кафе, Лена долго не могла сосредоточиться. Её голова кружилась от вопросов. Но какие из них стоило зада-

вать? Каждая выбранная девушкой фраза казалась ей плоской, а то и бестактной. Едва справившись с выбором меню, она в ужасе смотрела на собственную тарелку – в горло едва-едва мог протиснуться чай, пирожные казались чем-то непосильным: Лена нервничала.

– Я совсем не разбираюсь в искусстве, – грустно улыбнулась она, прожевав крошечный кусочек сладкого, – Иногда мне кажется, что всё это так бессмысленно! Просто краска в раме... Или это со мной что-то не так?

Даниэль справился с тортом и веселился, почти не скрывая. Он выпил чай, осторожно поставил чашку на блюдце, не звякнув ложечкой и не пролив ни капли.

– Что ж. О смысле искусства поговорить мы ещё успеем. А пока я предлагаю выбрать выставку! Раз они не запрещены.

Оплатив счёт, молодой человек предложил Лене увидеться завтра днём: он с восторгом обнаружил новость о выставке Антонио Лигабуэ в современном музее истории. Весело обсуждая грядущие встречи, пара покинула кафе, вместе добралась до перекрёстка и там, наконец, разбилась. Проводив девушку взглядом, Даниэль повернулся и, насвистывая под нос мотивчик известной французской песенки, отправился домой. Он был доволен: знакомство сулило победу, а дома его ждали книги.

Даниэль вырос в обеспеченной семье: его отец, Лев Яковлевич, солидный мужчина за пятьдесят, владел крупным

строительным бизнесом. Подчиненные его боготворили – любой вопрос, интересующий рабочих, он решал виртуозно и с интересом. Мать юноши, Анна Михайловна, занималась юриспруденцией. И, к слову, считалась одним из лучших специалистов в России. Оба родителя отличались яркой, бросающейся в глаза красотой, которая нисколько не угасла с возрастом, разве что приобрела благородный оттенок серебра седины.

Семья Даниэля обеспечила ему все: прекрасное воспитание, превосходную внешность, достойное образование и, наконец, высокооплачиваемую работу. Он был очень доволен. Молодой человек хорошо понимал, во-первых, как необычайно ему повезло с родственниками, а во-вторых, каким завидным женихом он представлялся в свои двадцать девять лет. Его доход составлял около трех миллионов в год, а живой, искрящийся ум юноши играючи очаровывал практически любого, кто встречался на его пути.

Даниэль знал три языка, не считая родного – английский, французский и даже иврит. Помимо прочего, он любил русскую классическую литературу. Зачитываясь, он часто с удовольствием сравнивал себя с героями: вот, к примеру, Евгений Базаров! Нигилист, человек высокого ума, хоть и разnochинец, эталон непоколебимой холодности, верх рационализма! Даниэль откладывал книгу, улыбался – и представлял себя Базаровым. Уж он-то отлично справился бы продлением истории, избежав досадного финала! Единственное, в чем

Даниэль всё же не был согласен с Базаровым – это страх перед любовью. Молодой человек, в отличие от литературного кумира, не боялся сильных чувств и не отрицал их, ни в каком случае. Даниэль был уверен, что всё гораздо проще. Просыпаясь каждое утро, молодой человек был уверен: он сильнее любых чувств, а значит, в случае схватки разума и сердца, победителем выйдет разум. То, что погубило Евгения, Даниэлю казалось всего лишь оплошностью при составлении плана. Даниэль любовался собой – и не собирался отрицать это.

Придя домой, он прошел комнату насквозь, не снимая обуви, и растянулся на диване, привычным жестом прихватив книгу, оставленную на журнальном столике. Спешить молодому человеку было некуда: на работе он взял отгул, а важное дело, к которому юноша готовился ответственно и самозабвенно, должно было состояться только на следующей неделе.

Об Антонио Лигабуэ Даниэль узнал от знакомых. Это была компания невероятно увлечённых молодых людей, не слишком опрятных, зато прекрасно ориентировавшихся в живописи. Перебивая друг друга и соревнуясь за внимание Даниэля, они выдали целую сводку искусствоведа: итальянский гений, отшельник-самоучка, не признающий никаких современных тенденций, Лигабуэ прославился безумными картинами, наполненными страданием и вызывающими неподдельный ужас! Даниэль был заинтригован: ему дав-

но хотелось чего-то подобного. И теперь представился шанс не только рассмотреть картины безумца поближе, но и провести этот чувственный эксперимент в компании новой знакомой.

Время в ожидании встречи летело незаметно – стоило только перевернуть страницу.

Они встретились у каменных львов.

– Здравствуй, – Даниэль слегка наклонил голову и предложил девушке взяться за локоть. Лена едва улыбнулась. Даниэль с удовольствием отметил, что начинает распознавать эту живую картинку: боится эмоций, абстрагируется от внешнего мира... Может быть, ещё с детства? «Было бы интересно узнать, что у нее в душе», – думал Даниэль. И живопись, предполагал он, должна была в этом помочь. Лена осторожно, почти опасливо положила руку на подставленную руку нового знакомого, и пара прошла в зал.

– Смотри, – Даниэль заговорил вкрадчивым полусшепотом, пока Лена, приподняв бровь, рассматривала полотна, – Здесь примерно около семидесяти работ итальянского Ван Гога. Его так ласково прозвали ценители искусства. Ты ведь знаешь Ван Гога?

Лена рассеянно кивнула.

– Итальянский изгой, скорее, – продолжал молодой человек, – Его усыновила бездетная швейцарская пара. Ему было

два. Все свои переживания, буйство воображения, Антонио всё изливал на холсте. Бедолага не был успешен ни в учебе, ни в дружбе. В восемнадцать его определили в клинику для душевнобольных...

Девушка не знала, что удивляет её больше. Отталкивающие изображения, помещённые в красивые рамы и подсвеченные услужливым блеском ламп, или восторженно-сочувственный тон нового знакомого.

– ... где он рисовал подручными средствами, испытывая непреодолимое влечение к искусству! – Даниэль не изображал эмоции. Заражаясь историей, он проживал её, чувствуя почти так же, как если бы на самом деле был героем. И сейчас он был искусствоведом, влюблённым в странности и перипетии жизни итальянского художника. Он вёл Лену под руку, как восторженный преподаватель ведёт по коридорам училища имени Строганова только что поступившего будущего художника, – В двадцать девять Антонио отправили в Италию. Он завёл знакомство с Мариино Маццакурати, скульптором, и тот научил паренька достойно работать маслом. Удивительная история человека! Ему принесли славу картины с хищниками, а сам он утверждал, будто бы это аллюзия, самопознание, альтер-эго... Защитные механизмы его души, Лена. Впрочем, они же и погубили его, принеся деньги, на которые Антонио покупал себе в том числе мотоциклы... И как-то раз не справился с управлением.

Пара остановилась напротив яркого, страшного полот-

на. Немногие посетители галереи с улыбкой поглядывали на них, пытаясь понять, что происходит. Молодой художник привел глупышку похвастаться знаниями? Приставучий экскурсовод обеспечивает себя приятным вечером? Студенты актерского факультета разыгрывают очередной этюд за пределами аудиторий?

Даниэль видел взгляды, направленные в его сторону. Они его не волновали. Скорее, нравились. Ему было недалеко до актёра.

– После аварии его разбил паралич, – Даниэль вздохнул, сочувственно обнимая Лену за плечи – так, будто бы новость расстроила её самым кошмарным образом, – И спустя два года он скончался, трагически одиноким, оставив после себя эти картины. Они вызывают искреннюю жалость, правда? А ещё – страх.

Лене хотелось хмыкнуть, но она сдержалась, ведь это могло показаться невежливым. И впрямь, если она сама не понимает этих картин – это ещё не значит, что увлеченные ими люди, скажем так... Лена задумалась, подбирая слово.

– «Леопард, разрывающий обезьяну», – девушка прочла подпись к очередной картине, пытаясь вынырнуть из собственных мыслей.

– Что скажешь? – живо заинтересовался её спутник. Лена поднесла указательный палец к подбородку, внимательно взгляделась в буйство красок.

– Думаю, он был чокнутым.

– Вот как?

Даниэль удивился примитивному замечанию. Ему хотелось услышать о чувствах, которые вызывала картина. Он тяжело вздохнул, разведя руками, и соорудил скорбную мину. Именно в этот момент Лена впервые улыбнулась ему открыто. Почти как накануне, когда молодой человек сумел и смутить её, и рассмешить.

– Хорошо. Предположим, не просто чокнутый, – она ещё раз оглядела экспозицию, борясь то ли с брезгливостью, то ли с лёгким приступом страха, – Если хочешь моего мнения – ему жилось так себе. Он потерял всякий интерес к жизни, понимаешь? Большинство его картин... автопортреты, животные... Животные, убивающие других животных... Хорошо, что на автопортретах он один.

Даниэль поджал губы, размышляя.

– Здесь я с тобой согласен. Что ещё?

– Он не любил жизнь, наверное, – Лена пожала плечами, – Может, боялся её. Видишь, на картинах совсем нет людей, кроме него самого. Ни одного человека, сплошные звери. Пожалуй, ему они казались куда лучше людей.

Лена усмехнулась. Совсем чуть-чуть, краешком губ. Внутри неё внезапно возникло такое чувство, словно картины никогда и не были ей непонятны. Скорее, они раздражали своей прямолинейностью, демонстрацией горя. «Как будто ему одному было плохо», – подумала Лена.

– Ты с ним согласна? – Даниэль заглянул в глаза девушке. Она молчала почти минуту, взвешивая ответ, и неловкая пауза, возникшая в разговоре, показалась молодому человеку вечностью. Наконец, девушка кивнула.

– Согласна. Представляешь, я с ним согласна. Нет никакого смысла во всей этой суете, а люди глупы, ничтожны и неинтересны.

Даниэль посмотрел на неё удивлённо. Сама не замечая, Лена слегка копировала его манеру речи – сложно сказать, передразнивая или просто смакуя слова.

– Все одинаковые, состоят из одного и того же, как галька. А животные и в схватке, и в желании прокормиться ведут себя куда более оправдано, так я думаю. У людей, кажется, есть рамки, принципы, собственные дурацкие своды законов. Но они только мешают.

– Лена, ну что ты, – Даниэль улыбался внезапному порыву девушки. Ему в нем мерещилось что-то почти наркотическое.

– Они есть и у меня, – Лена совсем не слушала знакомого, – И у тебя, и у любого из нас. У животных таких рамок нет, потому они и живут честнее, в отличие от людей. Честная смерть. Честная страсть.

Даниэль и Лена по-прежнему стояли напротив знаменитой картины. Даниэль убрал руки в карманы и слегка покачивался, Лена же стояла неподвижно, словно замороженная. Картина, наконец, стала ей совершенно понятна. Удивитель-

но, но прошло даже раздражение.

– Не-е-ет, – протянула девушка, погладив спутника по плечу, – Рамки для себя придумывают все. Просто не каждый в этом признается. Мораль, этика, прочее. Всё это для того, чтобы мы вели себя, как принято говорить, достойно. Есть общепринятые нормы – и я считаю, что им нужно следовать.

Даниэль позволил себе усмехнуться. Вряд ли молодая девушка, живущая в столице на родительские деньги и разглагольствующая об эмоциональной бедности посреди музея, могла показаться эталоном общепринятых норм.

– Тем не менее, как я успел заметить, – Даниэль осторожно взял её руку в свою, – Ты утверждаешь, что, следуя этим нормам, человек обязательно будет несчастен?

Лена отвернулась от картины и слегка прикрыла глаза. Это было похоже на застывший вздох. Из её пухлых, накрашенных губ вырвалось простое предложение:

– Любой человек несчастен.

II. СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

Мне бы хотелось поделиться с Вами своим мнением о семи смертных грехах. А ещё о том, почему я считаю абсолютно наивной веру в их библейское происхождение. Приведу в пример священные книги: Тора, Коран, Библия. Разве они упоминают о смертных грехах? Так почему же набожные люди боятся нарушить запрет алчности или чревоугодия?

В скрижалях завета, данных Моисею на горе Синай, упоминаются лишь два греха: «не прелюбодействуй», говорится там, и «не возжелай жены ближнего твоего, и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего». Прелюбодейание и зависть, только два греха.

В нагорной проповеди Иисуса Христа говорится про гнев: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду», и прелюбодейание: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». В столпах ислама и наставлениях, данных Мухаммадом, нет ни одного упоминания о семи смертных грехах.

Смертные грехи были составлены богословами и периодически (не думаю, что этому нужно удивляться) список корректировался. Изначально существовало восемь смертных грехов, а иначе – восемь худших страстей, наличие которых приводило к не лучшей участи души в ином мире.

Впервые о них упоминается в сочинении Киприана Карфагенского «О смертности», но по-настоящему громко заговорил об этом в своих трудах греческий монах-теолог Еваргий Понтийский. Он разработал учение о восьми помыслах, упорядочив их по степени вредоносности для человеческого духа. Эти записи и легли в основу понятия о семи смертных грехах. Давайте я перечислю их в порядке, установленном Еваргием Понтийским. Итак:

Гордыня, тщеславие, печаль, гнев, уныние, алчность, сладострастие и чревоугодие.

Как Вы могли заметить, в списке отсутствует зависть, а схожие между собой гордыня и тщеславие, печаль и уныние являются отдельными грехами. Папа римский Григорий I Великий в конце VI века сократил список, внося в него новый порок: зависть. А ещё он слегка изменил порядок. Посмотрим:

Гордыня, зависть, гнев, уныние, алчность, чревоугодие и сладострастие.

Список из семи смертных грехов окончательно сформировался в XIII веке. Он был сформулирован Фомой Аквинским, отделившим понятие порока от греха, и утверждавшим, что грех превосходит порок во зле.

При этом остается множество вопросов: почему за уныние положена гибель бессмертной души, а за убийство – нет? Отчего гордыня, которая, вполне вероятно, есть не что иное, как порыв отстоять собственные позиции,

приводит к смерти? Неужели подобной участи не заслуживают злословие и лжесвидетельство? Семь смертных грехов – удобная мораль для современного общества, нарушение которой не карается земным законом, но наказывается законом небесным. Отличный способ убедить: даже если тебя не накажут сейчас, ты будешь с лихвой наказан после смерти. Отличный ход, не правда ли?

Представим, человеческая природа такова, что единственная измена навсегда меняет сознание предателя. Завидуя чужому, теряешь себя. Алчность – главный порок современного общества: миром правят деньги, совсем не благородство и честность. Гордыня не позволяет человеку смотреть на других, как смотрят на равных. Гневаясь, ты не только оскорбляешь возможно невинного человека, ты обнажаешь всё порочное в себе, далеко запрятав истинную доброту. В гневе легко сотворить множество страшных вещей, а сказать – ещё более того. Потерять собственную душу ради мимолетных удовольствий – это выбор, который можно совершить по собственной воле, навсегда обрекая себя на духовное падение.

Но ведь и жизнь вне нарушения постулатов веры может быть всего лишь контролем. Она есть разум, такая жизнь. Не доброта, не истинность. Сделать такой выбор – также не означает быть достойным человеком. Так где же истина, связана ли она с суждениями разума – или только живёт глубоко в сердце? Чувствуете?

Жаль.

III

Даниэль был обескуражен походом на выставку.

Впервые после свидания ему хотелось запереться в собственной комнате – и предаться хандре. Его удивила и непритворно расстроила девушка, легко совмещавшая в себе такую лёгкость, яркость, такую красоту с состоянием, наводящим мысли о душевных болезнях. Он и прежде встречал людей с потухшими, серыми глазами, смотревшими вдруг из-под улыбчивых масок, но их внутреннее состояние оправдывала внешность. А иногда бедственное финансовое положение. В случае с Леной было нечто совсем иное. Даниэль несколько раз повторил про себя, что станет видеться с ней, разве легко подавить в себе интерес? Где-то под слоем мыслей, надёжно укрытый плитами отрицания и беспокойства, этот интерес тлел, беря душу. Даниэлю казалось забавной идея вернуть Лене вкус к жизни и он совершенно не мог заставить себя отказаться от этой забавы.

С момента их встречи прошло не меньше нескольких часов, но мысль всё возвращалась и возвращалась. Даниэль встал с кровати, распахнул балконную дверь и прислушался к тихому говору улицы. Но стоило ему закрыть глаза – перед ними снова появилось её лицо и тот самый диалог, состоявшийся сразу после того, как пара покинула выставочный зал.

– Попробуй мне объяснить, – Даниэль начал диалог пер-

вым, не дождавшись продолжения мысли, – Почему каждый человек несчастен?

Лена казалась уставшей. Она реагировала неярко, смотря на фоне московского вечера, как тихий призрак.

– Я говорила. Он не имеет свободы. Вот и всё, что я имела в виду.

– И почему мы не можем её достичь?

Лена взяла Даниэля за руку – и пристально посмотрела в глаза. Это был очень спокойный, немного печальный взгляд, который можно встретить всего раз, максимум два в жизни. Она слегка улыбнулась.

– Здесь что-то вроде замкнутого круга: ты покидаешь клетку, но обстоятельства или страх осуждения. Люди страшно зависимы. Тебе не наскучила эта тема? Кажется, словно мы плохо готовились к уроку по философии – и теперь пытаемся говорить об одном и том же.

Даниэль обиженно замолчал, не задав следующего вопроса. Вечер, который он представлял себе в мелочах, рассыпался на крошки прямо в его ладонях. Лена вела себя так, будто ей нечего больше скрывать, представляясь милой кокеткой. Значило ли это, что Даниэль не сумел заинтересовать её? Или, может быть, девушку так расстроили неприятные детали выбранных им картин?

Даниэль и сам, разумеется, высмеивал принятые обществом рамки, разбивая или возводя одну за другой на своё

собственное усмотрение. Но встречать людей с таким тихим и страшным презрением к ним – этого ему ещё не доводилось.

– Я убежден, – в голосе Даниэля послышалась твердость, не раз вынуждавшая его оппонента отступить даже в самом горячем споре, – что истинный смысл правил в умении их нарушать. Делать это красиво и вовремя, выстраивая жизнь по собственным лекалам. Порядочность, скромность и прочая чепуха давно утратили смысл, если мы говорим о современном обществе. Цель – это счастье, Лена, а разве счастье не представляется людям в предельно разных вещах?

Даниэль, распалившись, широко жестикулировал, не смущаясь прохожих. В его представлении о мире вести себя тихо, особенно испытывая яркую, нечастую эмоцию, совершенно не казалось необходимым. Люди, проходившие мимо, зашушукались, кто-то пожал плечами, тихонько хихикнув. Заметив это, Лена болезненно поморщилась.

– Не думаю, что моя жизнь может зависеть от чьих-то представлений о ней! – Даниэль был возмущён, – Никто не знает, как стоит жить другому, так что давать советы – слишком глупо, если, конечно, не удалось побывать в шкуре того, кому их раздаёшь. И разве, говоря о рамках и законах, говоря о том, сколько боли они приносят, ты не обманываешь себя, не преступив их? Разве ты не обманываешь своё собственное счастье в угоду чьей-то морали?

Лена глубоко вздохнула и закатила глаза. Даниэль дей-

ствительно был ей симпатичен, но понять, как можно так громко, без тени стеснения, заявлять, что готов поступиться моралью себе в угоду, кричать об этом, стоя на улице? «Со- всем как ребёнок, – подумала Лена, чувствуя лёгкие призна- ки головной боли, – Эгоистичный подросток почти тридца- ти лет. Студент театрального ВУЗа». Решив не спорить, она ещё раз улыбнулась ему. Устало, почти бесцветно.

– Мне правда пора ехать, – сказала Лена, – Спасибо за ве- чер, Даниэль.

IV

УНЫНИЕ

Наверняка каждый хоть раз сталкивался с таким пороком, как уныние. Можно смело назвать его пороком, ведь грехом признаётся ближайший родственник уныния – лень. А раз уж мы затронули тему порока и греха, позвольте мне объяснить, в чём их отличие.

Грех проявляется систематически. Это то, от чего человек жаждет отказаться, но, оказавшись не в силах из-за окружающих его обстоятельств, возвращается в отправную точку – снова и снова. Порок же заложен в нём, как некий ген, и со временем он разрастётся, прогрессируя, порабощая. Побороть порок куда сложнее, чем избежать грехопадения, и оттого радость победы над ним слаще. А ключ к победе над унынием лежит на поверхности, но для начала стоило бы разобраться, что из себя представляет этот сложный, упорный сорняк.

Уныние – это апатия, это пассивность. Попросту – это потеря смысла собственной жизни. Вот человек: он недоволен тем, что имеет, и потому начинает роптать на судьбу, считать свою жизнь никчёмной. И как же часто люди ищут смысл в праздном образе жизни! Рестораны, бары, походы в театры и магазины в конце концов надоедают. Таким развлечением можно заполнить внутреннюю пустоту, но ненадолго, на незначительный, мизерный отрезок време-

ни. И, как только ощущения, оставленные просмотром очередного нелепого спектакля, забудутся, внутри опять появится пустота. Перед нами всё тот же человек, недовольный тем, что имеет.

Наслаждения исчерпывают себя. Хороша остаётся лишь новизна, но то, что случается часто, приестся. Не правда ли?

Может быть, выходом станет дело всей жизни. Процесс, заставляющий подобного человека гореть, наполняя бывшую пустоту постоянным светом, а не обманчивым мерцанием неоновых вывесок. Или, как многим могло показаться, люди из высших слоёв общества успешно борются с пустотой, ведя неизменно праздный образ жизни, но давайте представим себя на их месте. Несколько дней в неделю отданы пышным приёмам, обязательна благотворительность, поддержание образа отнимает множество времени, средств и сил. А ежедневная кропотливая работа над собой, обязанность уметь вести светские беседы, какой бы темы они ни коснулись на этот раз? Как быстро приестся и это?

Некоторые люди настолько горят своей работой, что отдают ей всё возможное время. Это – дело их жизни, это свет, в который они верят, долг перед собой, который они любят. Не стану говорить о тех, кто видит в своей работе только рутину или же бесконечное испытание – такие люди быстрее всего теряют вкус к жизни. Но разве Вы никогда не слышали простого рецепта радости: «Найди люби-

мое хобби, позволь ему приносить тебе деньги – и будешь счастлив»?

Иногда может помочь вера. Не стоит думать, что это повод уходить в монастырь или даже посвятить себя определённой конфессии. Совсем нет. Вера может быть рациональной, будь то вера в абсолютную демократию в исламских государствах – или же вера в мир, в котором преступность отсутствует, как таковая. Вера требует идти по её пути, достигая рисуемых ей картин в реальности, будь то маленькая квартира новорождённой семьи или огромная страна.

Иногда проблема уныния заложена в представлениях человека о нравственности. Тогда он теряет интерес ко всему окружающему, считая моральным ориентиром только собственные поступки. Ведь он видит только собственную жизнь.

Пожалуй, необходимо быть крайне тесно связанным с миром, чтобы не терять веру в человечество. И особенно – в свои собственные силы.

V

Зазвенел будильник.

Вздвогнув, Белла тут же вскочила с постели – и толкнула мужа локтем.

– Просыпайся! Не хочу даже знать, где ты шатался всю ночь!

Давид сгрёб одеяло. Головная боль мгlisto-серым пятном заполнила его голову.

– Не кричи, умоляю. Ещё пять минуточек...

– Боже, – Белла страдальчески сморщила лицо, – Чем от тебя несёт? Вставай, Дина в школу опаздывает!

– Я встаю! Встаю, не ори!

«Свинья!» – подумала Белла, брезгливо отвернулась и вышла из комнаты.

Шестилетняя дочь уже была в ванной, когда Белла открыла дверь детской, чтобы её разбудить. Дина уже два месяца ходила в школу и, нужно признать, была в настоящем восторге. Девочка росла умницей: в свои шесть она знала и любила математику, свободно читала тексты на английском и прекрасно излагала свои мысли. «Боже мой, – умилённо говорили соседи Белле, любуясь выходящей во двор девочкой, – Да у вас рекламный ребёнок!» Красота ей досталась от матери – симпатичный курносый носик, выразительные карие глаза, большие губы, всегда готовые рассмеяться.

Длинные рыжие волосы делали Дину героиней весёлой ирландской сказки, а всегда пронзительный, но по-детски наивный взгляд мог растрогать любого за считанные секунды.

Родители отдали Дину в престижную школу на Ленинском, и пока что она оставалась лучшей ученицей первых классов. Помимо учебы, девочка занималась балетом – чувство ритма и пластичность так же достались от матери. От отца она унаследовала разве что тягу к азартным играм. Девочка часами могла простоять у автоматов с игрушками, но в детстве такие вещи выглядят безобидно.

Белла готовила завтрак, когда Давид, с трудом фокусируя взгляд, появился на кухне.

– Ну, солнышко? Что у нас сегодня? – приобняв жену за талию, спросил он.

– А ты спроси у своей секретарши.

Белла вывернулась из объятий мужа, продолжая управляться со сковородкой. Давид закатил глаза.

– Белка, ну ты чего начинаешь? Нужна мне эта Софья, я умоляю тебя!

Белла на секунду перевела взгляд на мужа. Она не могла перестать думать о том, каким жалким он казался ей теперь. «Жалкий, жалкий, жалкий» – произнесла она про себя. Никаких эмоций это слово больше не вызывало. Она вздохнула.

– Прекрати врать, – Белла поставила тарелку на стол, – И умойся. От тебя разит.

– Спасибо, милая.

Из последних сил изобразив сарказм, Давид побрёл в ванную. Дина быстро позавтракала и убежала за школьной формой. Через полчаса и отец – приподнятая бровь, трёхдневная щетина, – и дочь – искрящиеся глаза, до блеска натертые ботиночки, – были готовы отправляться. Белла поцеловала Дину, бросила мужу сухое «пока», и осталась одна в квартире. Щёлкнув кнопкой электрочайника, она провалилась в кресло и закрыла глаза. Её затопили воспоминания.

Белле было двадцать, когда родители выдали девушку за муж за Давида Мельцова – некрасивый, с тяжёлыми веками, смешно полноватый парень, он, казалось, должен был вызывать одно только сочувствие. Но стоило ему начать говорить, как харизма и обаяние включались в нём, словно огромный прожектор. Давид знал, как вести себя в обществе: он всегда держался уверенно, казалось, он может найти ответ на любой вопрос. Несмотря на то, что к моменту знакомства с Беллой Давиду исполнилось только двадцать два года, юноша был большой интеллектual – и с лёгкостью мог поддержать беседу. Остроумные замечания приятного увальня не оставляли равнодушными никого, а умение найти общий язык с человеком любого социального слоя открывали большие возможности.

У каждого есть свой талант, и талант Давида заключался в общении.

Впрочем, и с учёбой у него складывалось прекрасно: за-

кончив университет, юноша с гордостью водрузил на полку тиснённый красный диплом. Давид жил в обеспеченной семье крупных предпринимателей Мельцовых, они и по сей день занимаются продажей частной недвижимости, и мечтал добиться такого же успеха. С Беллой их познакомили водившие знакомство родители, на свадьбе симпатичной молодой пары – жених приходился Давиду одним из нескончаемых родственников. Во время застолья, в располагающей обстановке, намного легче связать узами любви двух симпатичных незнакомых людей – так рассудило заботливое семейство.

Казалось, Давид случился подарком судьбы для семьи Беллы: родители девушки находились в плачевном финансовом положении. В постсоветское время отец девушки, Леонид Тодерович, довольно быстро разбогател – он построил сеть магазинов парфюмерии в столице, имел влиятельных компаньонов. К несчастью, долго купаться в роскоши семье Тодеровичей не пришлось. Один из компаньонов Леонида оказался находчивее и хитрее двух других. Подделав документы, он переписал все права владения магазинами на своё имя. С тех самых пор старший Тодерович не имел никакого желания заниматься парфюмерным бизнесом – и начал работать управляющим гостиницы, расположенной напротив Манежной площади. Деньги, которые получал теперь отец семейства, покрывали коммунальные расходы, относительное пропитание и покупку кое-каких вещей. Это совсем

не походило на те времена, когда Тодеровичи могли позволить себе не экономить средства. А потому семейство пришло к блистательной мысли: Беллу было необходимо срочно выдать замуж за богатого молодого человека. Услышав, как родные обеспокоены якобы невыносимым несчастьем девушки, до сих пор не нашедшей в жизни вожаделенное женское счастье, приятели и приятельницы четы Тодеровичей наперебой стали предлагать варианты. И Давид показался идеальным.

К счастью родителей, любовь молодых людей не оказалась пустыми родительскими надеждами. Мало того, она вспыхнула молниеносно! Весельчак Давид сразу обратил внимание на красавицу Беллу, и та не осталась равнодушной. Каждый вечер молодые люди созванивались, а после едва могли понять, что проговорили до самого утра. Вереница начавшихся свиданий, казалось, не знала границ. Им было легко друг с другом, Белла и Давид казались идеальной парой: они заканчивали друг за другом предложения, трогательно держались за руки и смеялись так, что ни один человек в их обществе просто не мог предаваться тоске. Пара часто сыпала шутками о том, что в прошлой жизни они были знакомы друг с другом, что чувствуют это, и будто бы их души всегда шли рука об руку. И в этом не было ни слова лжи: так действительно ощущалась их яркая, сверкающая любовь, случившаяся с первого взгляда. Спустя полгода знакомства, Давид сделал Белле предложение, девушка согласилась – и не успе-

ла понять, что совершает чудовищную ошибку. Любовь Давида и Беллы, головокружительное счастье, вызывавшее зависть любого, кто видел их вместе – всё это закончилась так же стремительно, как началось.

После рождения Дины Давид стал пропадать по ночам.

Белла узнала, что её муж – игрок, и проигрывает почти всё, что может заработать на должности замдиректора в отцовской компании. Он тратил деньги с такой же невероятной лёгкостью, как и зарабатывал их. Помимо того, Давид становился всё больше и больше падким на женщин. В какой-то момент стало понятно, что он не стесняется флиртовать с другими при жене, а спустя еще несколько месяцев Белла поймала мужа на первой измене. Девушка по имени Софья работала в той же компании, и про её связь с Давидом Белле сообщила одна из его коллег, совершенно не скрывая при этом своего удовольствия. Первый год после этого Белла впадала в бесчисленные истерики, в последующий – смирилась, а на пятый год совместной жизни поняла, что никто, ни один человек на земле не достоин больше её слёз.

Белла была верна мужу. Она терпела его наплевательское отношение, но в душе злилась так, что было страшно признаться даже себе самой. Она уговаривала себя, что нужно сдерживаться и не портить последнюю видимость семьи – ради Дины, конечно же. Остальное больше не представлялось важным. Белле больше не нравилось, что Давид прикасается к ней, не нравилось, как целует ее. Ей не нравилось

готовить для него ужин и гладить рубашки, в которых ночью он снова отправится в казино или к очередной женщине. То, что ранее казалось желанным, теперь отталкивало Беллу. Красноречие мужа вызывало только отвращение, а все его шутки она считала примитивными и глупыми. Она ненавидела каждую их совместную ночь, каждое совместное утро. Она не желала больше делить с ним постель и, что хуже, она не желала больше делить с ним свою душу. Белле стал противен звук голоса мужа, и казалось, что осталось ей – это смирение. Беллу приводила в ужас мысль о том, что Дина будет расти в неполной семье, без достаточной любви со стороны двух родителей. Она была загнана в клетку, из которой не видела выхода.

Закипел чайник. Белла заварила крепкий кофе и отправилась к ноутбуку. С недавнего времени она писала. Это была серия эссе, а точнее, это были письма к незнакомцу. В письмах говорилось о семи смертных грехах.

V. ПОХОТЬ

Что есть целомудрие? Одни говорят, будто это скромность. Вторые – что безоговорочная верность одному-единственному человеку. Кто-то считает, что это непорочность, неопытность. Девственность, которая так будоражит мысли мужчин. Контроль сексуальных желаний, возможность обуздать животные страсти – вот, чего требует от каждого человека строгая модель поведения, запущенная социумом.

Впрочем, в современном обществе целомудрие постепенно теряет свою актуальность. Мир не стоит на месте, людям всё так же свойственно меняться, меняя при этом свои убеждения. Влечение к человеку, похоть, непреодолимая страсть уже не являются синонимами распутности. Теперь их чаще используют в речи в качестве синонимов счастья. О, эти редкие моменты восторга, когда наш мозг полностью находится под влиянием инстинктов! Вот, чему так искренне радуется теперь бесспорное большинство, вот, чего ждут, словно благословения, пересказывая после подробности близким друзьям.

Распутство, похоть – неотъемлемые спутники разрушения уже существующей моральной установки. Похоть есть непреодолимое желание обладать телом, похоть есть необузданное человеческое эго. Каждый так или иначе нахо-

дится под влиянием первозданных инстинктов, но злоупотребление ими способно играючи привести к катастрофе. Согласно многим религиозным учениям, похоть развращает человеческое сознание, за что – в зависимости от религии – предусмотрены разные меры наказания. Вывод один: грех должен быть наказан. Но вот вам вопрос: как же объяснить пагубность похоти атеисту?

Для верующих существует ад – или же десять уровней поднятия в ган Эден. Для атеистов существует только закон, нарушение которого приведет человека в тюрьму. Кто-то может подумать, что похоть безобидна, если акт прелюбодейния совершен по взаимной симпатии. Но стоит задуматься о тех, кто славится своей гиперсексуальностью. Разве не вызвано это, положим, расстройством психики? И мужчинам, и женщинам ставились диагнозы, связанные с сексуальным буйством: мужчинам – сатириазис, а женщинам – нимфомания. Частая смена половых партнеров ведет не только к тяжёлым болезням, но и к полному неудовлетворению собственной жизнью.

Послушайте, Клеопатра не была красавицей, какой ее изображают в кинокартинах. В исторических записях это несуразно тучная, отталкивающая женщина, царица, сделавшая себе славу благодаря бесчисленным половым партнерам. Одни утверждают, будто она изобрела специальный аромат, который сводил с ума мужчин, другие уверены, будто Клеопатра была роковой соблазнительницей. А ведь

на самом деле последняя царица Египта попросту обладала невероятной хитростью. Скажем так, можно назвать это ловкой рекламой. Она убедила своих подчиненных в том, что за ночь с ней не жаль отдать и жизни. И к её дворцу выстраивались огромные очереди. Мужчины осознавали, что после ночи, проведённой с царицей, они лишатся головы, но это их не пугало. Ими руководила похоть – в то время, как царицей руководило желание создать себе славу роковой женщины. Женщины, за которую стоило погибать.

Есть те, кто сочтёт похоть добродетелью. Такие люди убеждены в праведности своих намерений, ведь, как они утверждают, вся их жизнь направлена на то, чтобы дарить наслаждение окружающим через постель. Казанова в «История моей жизни» описывает сто и тридцать двух женщин, с которыми он вступал в половую связь. Это число по сей день вызывает изумление у многих мужчин, и немало из них мечтают побить рекорд, убедив себя: чем больше женщин заполучил, тем ты лучше. Для некоторых это становится единственной целью. Как бы там ни было, в своём времени Казанова был наглым обольстителем. Его считали то дьяволом, то просто лжецом, но отчего-то часто умалчивали, что целью Казановы было не просто пополнение коллекции. Его целью было истинное наслаждение. Ему нравилось наблюдать за сладкими спазмами мышц, нравилось дарить женщинам блаженство. И, к слову, похоть руководила не только им. Она руководила его любов-

нищами.

Из-за одержимости влечением к человеку люди совершают безрассудные поступки, они буквально готовы лишиться разума. Всем знакома история Ромео и Джульетты, двух подростков, принявших за истинное счастье и настоящую любовь её – простую похоть. Их разрушительная страсть не могла быть любовью. Какая любовь может быть в столь нежном возрасте? Нет, запреты, с которыми сталкивается каждый человек, вызывают в нём безостановочную реакцию, протест, желание немедленно бороться. «Мир несправедлив, если он не на моей стороне», – вот так думает про себя и говорит вслух каждый максималист. Ромео и Джульеттой руководило непреодолимое влечение друг к другу, желание вкусить запретный плод, который должен был оказаться непостижимо сладок, но, поскольку родителям, представлявшим две враждующие семьи, этот союз был противен, милейшим детям не осталось ничего, кроме как покончить с собой во имя чистой, непорочной любви. Трогательно..

Часто похоть рушит целые маленькие государства, маленькие отдельные миры, и речь здесь идёт о семье. Адюльтер неизбежно губителен для внутреннего мира человека, и часто в борьбе разума и совести верх берёт последнее – что и произошло, например, с Анной Карениной. Да, трагедия вызывает противоречивые чувства: роман начинается с измены Стивы, которым всё так же руководила по-

хоть, но ему удалось сохранить не только праведный облик, но и свою семью – благодаря раскаянию.

Анна же поплатилась за свою страсть к другому человеку не только своим положением и репутацией. Она поплатилась жизнью.

Люди готовы принять обычную страсть за любовь, обычную похоть за сильные, прочные чувства, и переживают разрыв с новым возлюбленным болезненнее, нежели переживает трагедию человек, проживший в браке всю жизнь.

Есть те, кто оправдывает свою страсть, ссылаясь на бедность и необходимость заработка. Получать образование – довольно скучная затея, она не приносит такого удовольствия, как слияние двух тел. Может быть, по этой причине самая древняя профессия до сих пор не утратила своей актуальности. В Греции существовала легенда о некоей гетере Фрине, чья красота была божественной. Скажем так, юная девушка прославилась благодаря идеальной фигуре. И вот, один из ее любовников – по имени Евфий – обвинил обладательницу идеальных форм в безбожии, кощунстве и введении новых культов, за что бедняжку должны были судить. Фрину пытался оправдать Гиперид, тоже один из ее любовников, но когда мужчина увидел, что его доводы не получают нужного отклика, он просто сдёрнул с девицы одежды. Фрина была оправдана.

Похоть не несёт в себе ничего сверхъестественного. Желание получать удовольствие благодаря телу другого чело-

века заложено в нашей природе. Без похоти не было бы продолжения жизни – в мире животном, в мире человеческом. Без страсти не состоялись бы многие семьи. Но если речь идёт о беспорядочных связях, если люди перестают контролировать свои желания и поддаются только инстинктам – вот, где полное отсутствие любой самодисциплины. Моногамия и институт брака теперь скучны, давайте будем считать, что любой человек по натуре своей полигамен. Каждому свойственно заглядываться на посторонних людей, а воображение часто рисует предательски прельщающие картины. Ученые давно уверены, что мужчины и женщины склонны к измене в равной мере. При помощи похоти, люди оправдывают свое нежелание следовать правилам. Им хочется сломать эти правила. Хочется быть особенными.

Ассоциальность становится нормой, а следование традиции – явлением раздражающим и неуместным.

Но самое главное значение похоти – это полное отсутствие самоконтроля.

Пока одни предпочитают потакать инстинктам, другие поднимаются выше животного уровня. А что выберете Вы?

VI

После последней встречи Даниэля и Лены прошло два дня. Даниэлю не хотелось задумываться над тем, какое впечатление он произвел на Лену во время выставки. Ее суждения ему не казались особенно важными. Мало ли, что творится в душе у этой юной, миленькой особы? Будь там даже запрятаны тысячи скелетов, тем интереснее вести игру. Юноша выжидал два дня, прежде чем пригласить Лену на следующее свидание. И эти два дня стали проверкой для Лены, ведь при первом же гудке девушка моментально приняла звонок и ответила слегка обиженным, но полным надежды голосом, что сегодня будет целый день свободна и готова встретиться в любое время.

Даниэль предупредил Лену, что заедет за ней через два часа и попросил собраться как можно быстрее. Обычно на сборы уходило мало времени, Лена руководствовалась тем, что доставала из шкафа любую глаженую кофту и черные классические брюки, но в этот раз девушке хотелось выглядеть изысканно и элегантно, поэтому выбор Лены остановился на шелковом платье цвета фуксия, которое пылилось в шкафу несколько последних лет. Лене импонировал Даниэль, и желанием девушки было произвести хорошее впечатление, несмотря на разное мировоззрение. «В конце концов, он просто ребенок – убеждала себя наперебой Лена, –

наглый, самодовольный, но жутко симпатичный ребенок». До сих пор у нее не было серьезных отношений, поскольку мужчин отпугивала меланхолия девушки и незаинтересованность внешним миром. Лена знала о своем недостатке, но не желала с ним справляться. Девушка была убеждена в том, что наслаждения этого мира недостижимы для человеческого разума. Она была строга к себе и к окружающим, но с Даниэлем многое казалось иначе. На протяжении последних двух лет Фролова всерьез стала задумываться о семье, которая могла бы принести ей счастье. После неудачных интрижек, начавшихся в семнадцатилетнем возрасте, Лена почти утратила всякую веру в возможность создания семьи. Сейчас, после знакомства с Даниэлем, Лене вновь захотелось испытать судьбу и, твердо решив в этот вечер не следовать морали, отправилась на свидание.

В ресторане Лена неуверенно положила голову на плечо Даниэля и самодовольно улыбнулась, уверенная в том, что этот юный ценитель свободы навсегда попал в ее сети. В этот вечер их разговоры были легки и касались общих тем, не затрагивая ни философию, ни литературу, ни искусство. Даниэль, как обычно, демонстративно жестикулировал руками и веселил свою спутницу, рассказывая самые удивительные и неправдоподобные истории из своей жизни.

– Как-то мы с друзьями решили выбрать экстремальную экскурсию. Но полеты на вертолете или прыжки с парашютом уже устарели, нам хотелось чего-то особенного. Ты

не поверишь, на чем остановился наш выбор! – Даниэль начал смеяться, словно вспомнил что-то забавное. – На пещере!

Лена удивленно хлопнула ресницами, но решила не перебивать.

– Мы нашли экскурсовода, который пообещал нас поводить по «подземелью». Помню, как мы спускались в эту пещеру. Экскурсовод снял крышку канализационного люка и сказал аккуратно спускаться, я тогда еще подумал, что зря нацепил свои любимые кроссовки. Но отступить было куда! В пещере было жуть, как темно, мы сидели на камнях, к которым добрались на ощупь, минут пять с закрытыми глазами, чтобы привыкнуть к темноте. Скажу честно, это сработало.

Даниэль был так увлечен рассказом, что даже не заметил возмущения за соседними столиками. Всем хотелось поужинать в интимной обстановке, а не под рассказы молодого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.